

ГАЛИНА

ЩЕРБАКОВА

„ПО ИМЕНИ

АННА

Галина Щербакова
...по имени Анна

«ФТМ»

Щербакова Г. Н.

...по имени Анна / Г. Н. Щербакова — «ФТМ»,

ISBN 5-9697-0130-0

Эти последние повести Галины Щербаковой станут полной неожиданностью для поклонников ее произведений о "подробностях мелких чувств" и "женщинах в игре без правил". В ее новой прозе страшная действительность (Чеченская война) сливается с не менее мрачной фантастикой (заражение Земли "вирусом убийства"). Это своего рода "новая Щербакова" – все три повести ("Прошло и это", "Метка Лилит", "...по имени Анна") написаны резко, порой шокирующе. Но как иначе рассказать о том, как зачастую в нашей жизни бывают слиты в едином тесном объятии добро и зло?

ISBN 5-9697-0130-0

© Щербакова Г. Н.

© ФТМ

Содержание

Звонок	5
Нюра	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Галина ЩЕРБАКОВА ...ПО ИМЕНИ АННА

Звонок

Это не мы помним прошлое. Это прошлое помнит нас. Я не знаю, идет ли оно за нами след в след или существует в капсулах, являя запахи, цвета, звуки, но в какой-то момент ты понимаешь: прошлое сохранено, и оно не просто владеет тобой, а из него – и ни из чего другого – лепится каждый день твоего сегодня.

Бесполезно вымарывать куски жизни, будто их не было, выбрасывать вещи – чтоб забыть, забыть и мчаться ради этого на другой край земли, – все с тобой, все продолжает существовать. В тебе ли, вокруг. Потому я не очень верю в силу раскаяния обыкновенного человека, если за ним черное прошлое.

Человек слабее своей прошлой жизни. Только великие святые способны разорвать паутину судьбы, которая тянется за нами. А уж о раскаянии целого народа смешно даже говорить. Вы когда-нибудь видели раскаяние моря в грехе утопления? Или раскаяние гор?

Это мои досужие, кухонные мысли. Мысли обыкновенной, грешной, слабой женщины, попавшей в колею не только своего, но и чужого прошлого.

Все началось со звонка, и первое, что я подумала, услышав голос по телефону: с ней не все в порядке. Ну, не может она произнести такую дикую фразу: «Очень удачный замуж». Она переводчица с немецкого, русским владеет как бог, ее речь приятно слушать, даже не вникая в смысл, а тут на тебе – «очень удачный замуж». Мне-то как раз нравится легкое искажение великого и могучего, оно несет дополнительную энергетику в выверенный, вываренный язык. Я балуюсь сленгом, просторечьем, ненормативом, мне это в кайф. Но Елена – всегда такая прю...

Мы знаем друг друга сто лет. Мне знакомы, как теперь поется, все ее трещинки; ее седину я закрашивала зубной щеткой. И знаю точно: повернутая козырьком назад кепка – это не ее стиль. Моя покойница-мама говорила о ней – «волосок к волоску». У мамы это не было комплиментом. Это была издевка. Ну, в общем, я в маму. Прямые линии, конечно, короче других, но зигзаг куда симпатичней. В нем может быть неожиданность. Любовь к жизненной геометрии стоила мне дорого, но сейчас не обо мне речь.

Значит, звонок. «Очень удачный замуж».

– Господи, Елена Васильевна, чей замуж?

– Валюшки. Он иностранец.

– Она разошлась со вторым мужем? Он же был такой успешный.

– Оказался пустой человек! Неужели ты не в курсе?

Начнем с того, что Валюшке под сорок, она на три года меня моложе и замуж у нее не первый. Первый студенческий брак был с Толиком, с которым она прожила почти треть своей жизни, очень им довольная. Потом возник другой. Когда мы виделись в последний раз, он собирался баллотироваться в Думу. Наши отношения с ней фактически давно прекратились, если не считать поздравлений с новым годом и днями рождения. С какой такой сырости *ее матери* специально звонить, чтобы сообщить о изменениях в жизни дочери *мне* – не соображаю, хоть убейте. С тех давних времен, когда я и Валюшка были студентками и кидали воланчик бадминтона, прошла уйма лет. Мы разъехались и во времени, и в пространстве. Сначала встречались раз в три-четыре года, потом все стухло.

Я была на ее первой свадьбе, у меня свадьбы не было. Я ходила к ней в больницу, когда она не доносила ребенка, она не знала ни о моей беременности, ни о том, что я родила.

Через несколько лет случайно столкнулись...

– У тебя сын? И ты молчишь?

Я молчала, у нее тоже мог быть сын.

И тут! Не Валюшка, а сама Елена Васильевна мне сообщает о новостях в жизни дочери. Как-то не по правилам, как бы ни с того ни с сего.

Мне нужна здесь хронология не потому что я такая уж любительница точных дат, а потому что время тут главный герой. Я сейчас, в мой сорок второй год, – не та, что была три года тому, а кем я окажусь еще через три года? Время ломает меня через колено с жестокой периодичностью, можно сказать, с детства. И вот оно, оказывается, коснулось и моей знакомой, если она заговорила корявым языком своей домработницы.

Я еще не знаю, какими катаклизмами пройдет по мне этот «удачный замуж», о котором мне почему-то надо сообщать. Поэтому словно утопленница по своей воле я, погружаясь в пучину прошлого, отмечаю, как рыбы проносят в своих мягких губах даты – время превращений.

Вдруг вспомнилось, что Елена Васильевна стеснялась геморроя и самолечилась с моей подачи – так лечилась моя мама – кусками льда из холодильника, а от слова «член» выпадала в нервический осадок. «Господи! Девочки! Ну, как вы говорите? Это же просто противно, невкусно!» Валюшка смеялась. «Но ведь тебе вкусно говорить – член предложения, член правительств. Даже фильм был такой в твоё время. А почему член человека – противно?»

– Потому что эта часть не называется членом. Это орган. Ну, назовите по-медицински – пенис, по-гречески – фаллос.

Мы закатывались от смеха.

– Фаллос! Мама, ты спятила. Эта мокрая гургулька – фаллос? Член, и нету ему другого имени. И это прилично. Потому что есть ему более точное название.

– Не смейте! – кричала Елена Васильевна.

И мы не смели.

– Ее избранник, – трещит трубка, – русскоязычный писатель, живущий в Германии. Боже, как он знает Россию! Нам бы так! Человек с широкими взглядами на мир. Одним словом, европеец. Роман у них случился просто как в сказке: поцеловал – проснулась. Мы с отцом счастливы. Девочка нашла себя.

Ну, никакой логики. Почему она – себя, если он – ее? И еще это – «девочка».

Это ж сколько лет тому было крашение волос зубной щеткой? Девочка за такое дело не взялась, а я человек простой и всю жизнь делаю любые работы.

– Давайте я! – говорила я *та*.

– Браки молодых, – продолжает Елена, – погибают от неопытности.

– О да, – бормочу я *эта*.

– Тут уже не детство (еще бы!) и отношения строятся на опыте (еще бы!), и, конечно, любовь (ну, не знаю).

Я ведь помню, как они лизались при мне – Валюшка и ее первый муж. У меня такая откровенная сексуальность вызывала и брезгливость, и зависть. Я старше, но у меня никого не было, я крупная, я девица-гренадер, а Валюшка – бабочка-капустница, вся такая красивая, трепещущая.

– Как это все случилось? – спрашиваю я уже о сегодняшнем.

– Ефим, так его зовут, здесь по делам. Волею судеб он зашел к нам.

Понимаю. Она германистка, он из Германии. Общие дела. Сердце мое не дало сбой при имени. Мало ли?..

– У него здесь переводится книжка. Его фамилия Штеккер. Ефим Штеккер.

Вот тут «мое сердце остановилось, мое сердце замерло». Так поет эдакий крепыш, глядя на которого моя бабушка, тоже любительница красного словца, сказала: «Да его ломом не

убьешь... Сердце у него остановилось...». Это несоответствие слов и могучести молодости ее забавляло, как всякий зигзаг жизни.

Бабушка – а ей, слава Богу, за восемьдесят – она пережила маму, любила телевизор и все, происходящее в ящике, воспринимала буквально. Плакала вместе с Таней Булановой, закатывалась над «тупыми родственниками» юмориста Евдокимова. Она слабела умом, не доставляя родным хлопот, а то, что не отличала войну киношную от настоящей и пугалась летящих с экрана самолетов, так это такая ерунда. Ну поплачет, ну посмеется. Так у нее усыхал когда-то острый и ядовитый ум. Я – в бабушку. Наверное, буду такая же.

Но не о ней рассказ. О моем окаменевшем на миг сердце, которое остановилось и замерло при имени Ефим Штеккер.

А Елена несет нечто странное. Ефим собирает «мясо», так он говорит, для романа и пришел к ним в поисках материала. «Но что мы знаем? Ничего. Мы сказали, что это ты неким образом причастна к его герою. Речь идет о дворничихе, у которой ты жила. Она ведь дочь ученого Домбровского? Правильно?»

Боже, с какого конца ухватить мне эту историю? Можно – раз-два – и выдать, что Фимка, никакой не немец, а полуеврей, был моим первым мужчиной. Но разве в этом будет вся правда, от которой я, тетка на пятом десятке, прихожу в ступор? Положила ли я трубку или время, болотисто чвакнув, поволокло меня опять вниз, и где-то там вверху осталась и телефонная трубка, и моя теплая уютная жизнь, а стою по самую грудь в тине и кто-то неказистый и маленький слизывает тину с сосков, и я млею от этого и хочу, чтобы это было бесконечно?

* * *

Тысяча девятьсот восемьдесят пятый год.

Девочка – я – снимает угол у дворничихи. Я не общественница и не отличница, и в институте мне не дают общежития. Хозяйку мою зовут Людмила, тетя Мила. Ей пятьдесят один год, она старая дева. Так она, говоря современным языком, себя позиционирует. И я, тогдашняя, размышляю над этим понятием. Учительница, врач, просто женщина, читающая книги, может называться старой девой. К дворничихе это слово – «дева» – не подходит по определению. Не годится и все. Ну, скажем – одинокая. И доярка одинокая. И вагоновожатая тоже. Старая же дева – это метка другой породы людей, должно быть, живших ранее, потому что сейчас они исчезают в природе вообще. И это, на мой взгляд, прогресс, что бы там ни говорили. Сексуальная революция стерла грань между девушкой и женщиной. Но тетя Мила девственница. И мне это непонятно. Она хороша собой даже в дворницкой робе. Ее воспитала некая Нюра, бывшая дворничиха. И, как это принято считать достойным, произошло династическое продолжение профессии.

Нюра

Нюру я не видела. На стене дворницкой в дешевых рамочках она была неулыбчива и сурова. Моя хозяйка называла ее тетей, которая ее воспитала с младых ногтей, когда родители Милы умерли в какой-то мор еще до войны. Ну, с какой стати мне, студентке четвертого курса, интересоваться прошлым мором и всем последующим? А могла бы, дура, и поинтересоваться, может, чужой опыт жизни прибавил бы ума и зоркости. Но разве смолоду мы бываем мудрыми? Я мечтала о любви, одевалась в магазине «Богатырь». Там были, пусть и в небольшом количестве, кофты и юбки пятьдесят второго размера. Среди богатырей я была не очень. Вещи были убогие, но сейчас я даже не соображу – это мои сегодняшние понятия или я и тогда это понимала? Думаю, нет. Бабушка, мама, женщина на фото, тетя Мила и еще тысячи женщин, которых я видела, одевались плохо, потому что хорошие вещи можно было купить с рук в специально приспособленных туалетах возле МХАТа, в ГУМе, но где бы я взяла такие деньги?

Но моя история не о моей бедности. Бедность – это общий фон жизни, который уже не замечают. Люди стыдливо-насмешливо перешагнули восьмидесятый, когда мы уже должны были жить при коммунизме. Может, таким и должно было быть осуществление мечты – равенство большинства в скудости существования?

Но я же не об этом! Чтоб вырुлить к состоянию озноба и ужаса при имени Ефим Штеккер и тому, зачем он приехал и к чему я была, по мнению Елены Васильевны, причастна, мне надо вспомнить все о Нюре, мрачной женщине с серой фотографии, что висит в простой деревянной рамке.

Я о ней знаю со слов Милы очень мало. Но случайно я была в ее деревне Кучеровке. Там строили железнодорожную станцию. Там я проходила последнюю перед выпуском практику. Кучеровых, а такая фамилия у Милы, полдеревни. Старики помнили Нюру, которая бежала сюда в тридцать седьмом из Москвы с девчонкой. Там – словечко, там словечко... Песенка не складывалась. Так что за точность жизни Нюры я не ручаюсь. Детали. Девочку Нюра всегда стригла наголо. При немцах отдала в школу. Старики говорили: «Нюрка советской власти боялась больше, чем немцев. Что-то ей Москва сделала». «Что, что... – бормочет старуха, у которой я на постое в деревне. – Она только-только в Москву приехала. Нашла место. По кухне там и с дитем. Ну, и секир башка всем. Такое было время, сталинское. А Нюрка его и в селе повидала. Ну и подумай сама».

Я узнала, что из того дома, двор которого мела Нюра, а сейчас метет Мила, в приснопамятное время увели семью, где Нюра была домработницей. Трехлетнюю младшенькую она буквально прикрыла широкой деревенской юбкой. Потом – не сразу, через войну – Нюра стала дворничихой, получив в полуподвале дома, где жили родители Милы, комнатенку. Девочку она сразу после спасения остригла наголо, одевала в ношенные вещи, которые выбрасывали жильцы. Сказала всем, что девчонка – сирота из ее деревни, и никто из дома не признал в существе из тряпок и без волос дочь уведенных ученых-ботаников. Считалось, что увели всех. Та девочка была буйно кудрявая, носила шелковые платица и играла в колечко с палочкой, и ей не разрешали водиться с кем попало. А Нюрина девчонка стала Милкой-побирушкой, и дворничиха в целях конспирации способствовала дурным, или скажем, не лучшим поступкам девочки: можно было и попрошайничать, и рыться в мусорных баках, и приворовывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.